

В.Ю. Крюкова

**ГРАДАЦИИ ОСКВЕРНЕНИЙ И СИСТЕМЫ
ИСКУПИТЕЛЬНЫХ ЖЕРТВ КАК ОТРАЖЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
В АВЕСТИЙСКОМ ВИДЕВДАТЕ**

Обращаясь к тем или иным вопросам, затрагиваемым в авестийском Видевдате, исследователи непременно отмечают склонность авторов-компиляторов к педантичному перечислению бесконечных ритуальных норм и правил. Следуя замечанию Шерве, наряду с грамматическими изъянами текста эти “dreary repetitions and hair-splitting classifications” не позволяют читателю в полной мере насладиться чтением авестийского текста [Skjærvø 2007: 115]. Действительно, основной объем Видевдата составляют списки правил ритуальной чистоты, зачастую изложенные с особой ритмичной последовательностью, желанием охватить максимальный круг возможных случаев, представить самую подробную градацию описываемых предметов, групп живых существ, явлений. Это стремление к классификации было унаследовано зороастрийской литературой следующего языкового этапа — написанной на среднеперсидском языке — и нашло отражение в многочисленных рядах религиозных установлений, ссылающихся, как правило, на традицию Авесты. Тем не менее определяющей для понимания текста в целом и внутренней связи между его отдельными частями и многочисленными перечнями является идеологическая составляющая памятника.

Одной из основных идей Видевдата является идея о сохранении ритуальной чистоты зороастрийского мира. Последнее понятие имеет конкретное наполнение и очерченные пределы. Это мир праведных зороастрийских стран, сотворенных Ахура-Маздой и перечисленных в первом фрагарде Видевдата, а также их обитателей. Второй фрагард, излагающий миф о Йиме — легендарном первом правителе Ирана, представляет нам картину тройного увеличения земли для вмещения в ее пределы того, что составляет *материальную жизнь* (авест. *gaēθā-*). Авестийский термин *gaēθā-* служит для описания, с одной стороны, живого мира, с другой — материально-

го имущества, хозяйства. В обоих случаях речь идет исключительно о мире и имуществе праведных зороастрийцев, то есть о ритуально чистых людях, животных, предметах, материях, принадлежащих Ахура-Мазде и святому духу. Многие авестийские божества, включая Ахура-Мазду, а также единственный среди смертных, Йима, носят эпитет *frādat-gaēθā-* — «продвигающий мир». В Видевдате, хотя и не прямо, содержится перечисление того, что относится к *gaēθā-*: это «крупный и мелкий скот, люди, собаки, птицы, красные горящие огни» (Видевдат 2.8 и след.). В некоторых фрагментах Видевдата, когда говорится об изоляции ритуально нечистой субстанции или осквернившегося человека, предписывается помещать оскверненное в отдалении от мест, где «проходит мелкий и крупный скот, огонь Ахура Мазды, *барсман* [ритуальные прутья], поистине простертый, муж праведный» (Видевдат 3.15 и след.). Таким образом, ритуально чистый материальный зороастрийский мир, включая принадлежности собственно ритуала, должен быть огорожен, отделен от того, что является скверным, ритуально нечистым. Текст второго фрагмента Видевдата, повествуя о строительстве крепости-укрытия Вара, которая должна спасти праведников во время природного катаклизма, также имеет в виду отделение и сохранение ритуально чистого зороастрийского мира, в котором не должно быть «ни горбых спереди, ни горбых сзади, ни увечных, ни помешанных, ни с родимыми пятнами, ни порочных, ни больных, ни кривых, ни гнилозубых, ни прокаженных, чья плоть выброшена, ни с другими пороками, которые служат отметинами Анхра-Манью, наложенными на смертных» (Видевдат 2.29, перевод И.М. Стеблин-Каменского [Авеста 1998: 80]). Само название памятника, призванное передать его основное содержание, «Видевдат» — «закон, отстраняющий, отвергающий дэвов»¹, акцентирует внимание на разделении, отделении праведного от скверного. При этом если первые два фрагмента Видевдата лишь указывают на то, что мир праведности подвергается осквернению (так, все созданные Ахура-Маздой страны злой дух портит каким-нибудь изъяном) и требуется отделять праведное от скверного, то большая часть основного объема текста имеет дело

¹ Согласно Шерве: «*dāta- vīdaēuua- dāta- zaraθuštri-* “the law to discard the *daēuuas*, the law of Zarathustra”» [Skjærvø 2007: 116].

с определением степени осквернения, по которому можно судить и о степени праведности тех или иных существ.

В сущности, эта идея сопоставима с древнеиндийским представлением о количественном различии в «магической потенции» *asu* (ее иранский эквивалент запечатлен в имени бога Ахура-Мазды), которой наделены все творения, но в разной степени [Дандекар 2002: 141]. В зороастризме это различие заключается скорее в разном «количестве» святости (авест. *spənta-*), которая присуща только созданиям святого духа, то есть только «праведным» существам. Злой дух, демонические существа, неправедные люди и незороастрийцы, колдуны и ведьмы, вредные животные и прочие, принадлежащие миру зла и лжи, не несут в себе никакой частицы святости. Пожалуй, в Авесте не содержится и их градации по степени скверности. Так, в Видевдате (5.34–37) следующим образом объясняется то, что труп неверного не оскверняет зороастрийский мир:

34. А если это будет коварный лживый двулапый, вроде еретика неправедного, с каким числом созданий святого духа [его смерть] смешивается, скольких заражает?

35–37. И сказал Ахура-Мазда: [Его труп] как жаба иссохшая, больше года как мертвая. Ведь при жизни, о Спитама Заратуштра, коварный лживый двулапый, вроде еретика неправедного, с созданиями святого духа смешивается, при жизни заражает. При жизни воду убивает, при жизни огонь задувает, при жизни захваченный скот угоняет, при жизни мужа праведного отнимающим жизнь «ударом, от которого выпускают дух», убивает, а не когда мертв.

Необходимо пояснить, что жаба, как и «еретик», относится к числу творений злого духа. Таким образом, люди и животные принадлежат общей сфере живых существ (что также совпадает с древнеиндийским видением живого мира), иногда лишь поясняется, что одни из них — двуногие, а другие — четвероногие. В Видевдате эта общность хорошо видна по многочисленным спискам, в которые входят и люди, и животные.

В седьмом фрагменте Видевдата (7.36–43) содержатся предписания относительно врачебной практики. Зороастрийскому целителю рекомендуется сначала испытывать свои навыки на «дэвопочитателях», то есть на незороастрийцах. Если попытки врачевания ока-

жуются неудачными и пациент умрет, то доктору-зороастрийцу грозит запрет практики, но не более того:

36. О создатель плотского мира, праведный! Если маздаяснийцы подвигнутся на врачевание, на ком сначала им испытывать [свое искусство] — на маздаяснийцах или дэвопочитателях?

37. И сказал Ахура-Мазда: На дэвопочитателях прежде пусть испытываются, чем на маздаяснийцах. Если в первый раз дэвопочитателя разрежет, [а] тот умрет, если во второй раз дэвопочитателя разрежет, [а] тот умрет, если в третий раз дэвопочитателя разрежет, [а] тот умрет, — неспособен же [врачующий] во веки веков.

38. Да не врачуют после этого маздаяснийцев врачеватели, да не режут маздаяснийцев, да не навредит [врач] резанием; если врачуют после этого маздаяснийцев врачеватели, если режут маздаяснийцев, если навредит [врач] резанием, — за нанесенный вред пусть понесет наказание как заумышленно причиненный.

39. Если в первый раз дэвопочитателя разрежет, [и] тот поправится, если во второй раз дэвопочитателя разрежет, [и] тот поправится, если в третий раз дэвопочитателя разрежет, [и] тот поправится, — способен же [врачующий] во веки веков.

40. Свободно после этого маздаяснийцев врачеватели да врачуют, свободно маздаяснийцев разрезают, свободно пусть врачует [врач] резанием.

После того как решен вопрос с совершенствованием врачевательского мастерства, компиляторы переходят к изложению платы за лечение представителей различных зороастрийских социальных групп. По этому перечню можно судить не только о социальной дифференциации зороастрийского общества, но и о включении в мир праведных существ животных, причем ценность последних указывается дважды: сначала они выступают только в качестве платы за лечение, а затем продолжают список тех, кого следует лечить, и одновременно сами служат платой:

41. Ученого *атравана* пусть лечит за благословение, хозяина дома пусть лечит за стоимость крупного скота наименьшей цены, владельца имения пусть лечит за стоимость крупного скота средней цены, главу рода, владеющего областью пусть лечит за стоимость крупного скота наивысшей цены, правителя страны пусть лечит за колесницу, четверкой запряженную.

42. Соразмерно первому [перечню], жену хозяина дома пусть лечит за стоимость ослицы, жену главы рода пусть лечит за стоимость кобылы, жену правителя страны пусть лечит за стоимость верблюдицы.

43. Сына главы рода пусть лечит за стоимость крупного скота наивысшей цены, крупный скот наивысшей цены пусть лечит за стоимость крупного скота средней цены, крупный скот средней цены пусть лечит за стоимость крупного скота наименьшей цены, крупный скот наименьшей цены пусть лечит за стоимость овцы, овцу пусть лечит за стоимость мясного кушанья¹.

Своеобразный иерархический ряд представляет нам тринадцатый фрагмент Видевдата, где речь идет об основных разновидностях собак, имеющих разную ценность для зороастрийской общины. Следует принять во внимание, что собаки, основные ритуальные животные Видевдата, в этом памятнике фигурируют наравне с людьми и фактически их перечисление продолжает список социальных групп людей или даже совпадает с ним (Видевдат 8.20–23):

20. О создатель плотского мира, праведный! Кто собаку, стерегущую скот, обделяет пищей, насколько согрешит такими делами? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей хозяина знатного дома, настолько согрешит.

21. О создатель плотского мира, праведный! Кто собаку, стерегущую дом, обделяет пищей, насколько согрешит такими делами? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей хозяина среднего дома, настолько согрешит.

22. О создатель плотского мира, праведный! Кто охотничью собаку обделяет пищей, насколько согрешит такими делами? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей пришедшего к нему в дом столь праведного мужа, обладающего теми же качествами, что и атраван, настолько согрешит.

23. О создатель плотского мира, праведный! Кто молодую собаку обделяет пищей, насколько согрешит такими делами? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей ребенка («несовершеннолетнего»), посвященного в правила веры, который, трудясь, исполняет службу, настолько согрешит.

¹ Видевдат 7.41–43 частично совпадает с 9.37–38. Подробное рассмотрение текстов сделано А. Кантерой [Cantera 2004].

За каждой отдельной подтемой, называющей конкретные преступления против собак — будь то убийство или лишение собаки пищи, приводится подробный список соответствующих телесных наказаний (13.12–16, 24–28), по суровости которых можно судить о полезности и, соответственно, святости этих животных:

12. О создатель плотского мира, праведный! Кто собаку, стерегущую скот, убьет отнимающим жизнь «ударом, от которого испускают дух», какое ему наказание? — И сказал Ахура-Мазда: Восемь сотен ударов пусть нанесут ему конской плетью, восемь сотен «делающей послушными».

13. О создатель плотского мира, праведный! Кто собаку, стерегущую дом, убьет отнимающим жизнь «ударом, от которого испускают дух», какое ему наказание? — И сказал Ахура-Мазда: семь сотен ударов пусть нанесут ему конской плетью, семь сотен «делающей послушными».

14. О создатель плотского мира, праведный! Кто охотничью собаку убьет отнимающим жизнь «ударом, от которого испускают дух», какое ему наказание? — И сказал Ахура-Мазда: шесть сотен ударов пусть нанесут ему конской плетью, шесть сотен «делающей послушными».

15. О создатель плотского мира, праведный! Кто молодую собаку убьет отнимающим жизнь «ударом, от которого испускают дух», какое ему наказание? — И сказал Ахура-Мазда: пять сотен ударов пусть нанесут ему конской плетью, пять сотен «делающей послушными».

16. Столько за ежа, столько за *vizu*(?), столько за дикобраза, столько за острозубую лисицу, столько за юркую(?) лису(?) — за всех существ святого духа, относящихся к «собакам», кроме водяной выдры.

Таким образом, важной особенностью текста видится то, что мы узнаем о степени святости существ в основном «от противного» — она может быть понята не из прямых иерархических списков людей и животных, а из перечислений наказаний, которые должны быть наложены за покушение на их жизнь и ритуальную чистоту, или по степени осквернения, которое распространяют вокруг себя трупы этих существ. Так, пятый фрагмент Видевдата предлагает список различных собак, продолжающий список людей, в ситуации, когда на собрание верующих набрасывается демонисса трупного разложения Друхш-йа-Насу:

27. О создатель плотского мира, праведный! Если мужи соседствующие опустятся вместе на ложа, на изголовья ли вместе, и будет их там рядом два

человека, или пять, или пятьдесят, или сто с женами, и вот из этих мужей один умрет, скольких мужей Друхш-йа-Насу болезнью, порчей и осквернением настигает?

28. И сказал Ахура-Мазда: Если же на жреца Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то одиннадцать настигает, десять заражает. Если же на воина Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то десять настигает, девять заражает. Если же на пастуха-крестьянина Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то девять настигает, восемь заражает.

29. А если на собаку, стерегущую скот, Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то восьмерых настигает, семерых заражает. Если на собаку, стерегущую дом, Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то семерых настигает, шестерых заражает.

30. А если на охотничью(?) собаку Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то шестерых настигает, пятерых заражает. Если на молодую собаку Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то пятерых настигает, четверых заражает.

31. А если на «собаку» дикобраза Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то четверых настигает, троих заражает. Если на «собаку» ежа Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то троих настигает, двоих заражает.

32. А если на «собаку» ласку Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то двоих настигает, первого заражает. Если на «собаку» *vizu*-(?) Друхш-йа-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то первого настигает, первого заражает.

33. О создатель плотского мира, праведный! А если это будет «собака»-лисица, с каким числом созданий святого духа [труп] этой «собаки», что лисица, смешивается, скольких заражает?

34. И сказал Ахура-Мазда: [Труп] этой «собаки», что лисица, с созданиями святого духа не смешивается, их не заражает, за исключением того [человека], кто ее бьет и убивает, — к нему пристает [осквернение] во веки веков.

Когда речь заходит о самом страшном для зороастрийцев осквернении — осквернении смертью, которое несет демонисса трупного разложения, в наибольшей степени раскрывается ритуально-мифологическая природа как социальной иерархии людей и животных, так и бесчисленных перечней правил и наказаний, излагающихся Видевдатом. Список пятого фрагарда Видевдата факти-

чески указывает на соответствие между осквернением смерти и социальным рангом человека и животного. Как мы видели по пятому фрагменту Видевдата (5.34–37), смерть дэвовского существа (жабы) или незороастрийца не несет осквернения, поскольку оскверняющей является жизнь «злых» творений. Для «благих» творений жрецы предлагают противоположный отсчет: чем более «праведный» человек, чем выше по социальной лестнице он стоит, тем бóльшим осквернением для общины грозит его смерть.

Хорошо продуманная система соотнесения социального ранга и «святости» является в Видевдате не единственной. Двенадцатый фрагмент Видевдата предлагает другой ряд, сопоставляющий степень близости родства и длительность траура по родственнику. Родственная близость не может сравниваться с социальной иерархией, понятным кажется увеличение срока ритуального очищения (траура) по мере роста родственной близости — поскольку живые и мертвые связаны принадлежностью к одной семье, и чем теснее эта связь, тем сильнее осквернение смерти (Видевдат 12.7–10):

7–8. А если хозяин дома умрет или хозяйка умрет, сколько им выждать — сколько за добропорядочных, сколько за «поплатившихся телом»? И сказал Ахура-Мазда: шесть месяцев за добропорядочных, двенадцать за «поплатившихся телом» [грешников]. <...>

9–10. А если дед умрет или бабка умрет, сколько им выждать, внуку за деда, внучке за бабку, сколько за добропорядочных, сколько за «поплатившихся телом»? И сказал Ахура-Мазда: двадцать пять [дней] за добропорядочных, пятьдесят за «поплатившихся телом» [грешников].

Тем не менее по родственнику-грешнику предписывается более продолжительный траур, чем по праведнику, хотя, если бы родственник-грешник рассматривался в ключе социальной иерархии, его труп нес бы меньше осквернения (именно потому, что речь шла бы о грешнике, труп которого меньше оскверняет членов общины). Из этого можно заключить, что система расчета «святости» и осквернения была довольно сложной и, помимо социальной градации, должна была учитывать степень родства.

Библиография

Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1998.

Дандекар Р.Н. От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М., 2002.

Skjærvø P.O. The Videvdad: its Ritual-Mythical Significance // The Age of the Parthians. The Idea of Iran. L.; N.Y., 2007. Vol. 2. P. 105–141.

Cantera A. Medical Fees and Compositional Principles in the Avestan Vidēvdād // Nāme-ye Irān-e Bāstān. 2004. № 4/1. P. 1–17.